

И.В. Следзевский

**ИСПЫТАНИЕ АФРИКИ:
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС
ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ**

Неутешительные результаты развития большинства африканских государств в постколониальный период и прежде всего выросшая зависимость развития от внешней помощи обнажили провал идеологии догоняющей модернизации, с которой в XX в. связывались все попытки вписать африканские общества в мировое развитие. По критериям социальной и политической интеграции, сохранения стабильности, роста человеческого потенциала обнаруживается ее несостоятельность как стратегии и средства преобразования архаических и постархаических африканских обществ в общества современной цивилизации. Постколониальный период, отмеченный лозунгом форсированной модернизации, не только не продвинул Африку в этом направлении, но и обозначил кризис развития, отчетливо проявившийся в развале традиционных экосоциальных систем и превращении значительной части континента в неблагоприятный регион мира с точки зрения продовольственного самообеспечения.

На волне падения национальных экономик, внутренних смут и гуманитарных катастроф обострилось внимание к цивилизационному измерению африканского развития. Цивилизационное измерение явно присутствует в причислении наименее развитых стран Субсахарского региона к «четвертому миру», «неспособному к восприятию современного типа прогресса», в рейтинговых оценках несостоятельности ряда африканских государств, в негативных образах Субсахарской Африки как средоточия нестабильности и хаоса, «моря первобытности» и т. п. Усиливается также цивилизационная (этическая) критика итогов постколониального развития как не соответствующих моральным нормам единства челове-

ского общества. Сегодня она находит опору в общественной мысли Африки – в современной африканской философии, политологии, теологии. Ответственность за «кризис Африки» возлагается не только на «несправедливую глобализацию», но и на поведение коррумпированных правящих элит, не сумевших избежать «рабского подражания Западу», и на поведение простого человека, готового мириться с нищетой и общественным разладом.

В цивилизационной критике постколониального развития Африки нельзя видеть только проявление настроений «афропессимизма» и штампов зависимого цивилизационного сознания. Эта критика имеет более глубокие корни. Она непосредственно связана с социальным и моральным кризисом модели догоняющей модернизации в ее постколониальном (по существу, неоколониальном) варианте. В ряде отношений закономерная и необходимая, догоняющая модернизация приобрела в бывших африканских колониях значение универсального и обязательного «пропуска в современность», нормативного и почти принудительного цивилизационного проекта. И философия, и прагматика этого проекта сохранили связь с идеалами и мифологемами колониальной эпохи, прежде всего с идеями цивилизаторства как переделки традиций и обычаев народной жизни по велениям колониальной авторитарной власти и обязательно в ее пользу.

Однако с распадом колониальных империй исчезло или резко ослабло главное условие жизнеспособности этого проекта – наличие обособленного политического центра, самостоятельного по отношению к локальным общинным мирам и способного практически и символически сопрягать их с «государством» и «обществом» в европейском понимании. Уже в колониальный период это условие выдерживалось с большим трудом и постоянными отступлениями от цивилизационных стандартов жизни в метрополиях. С превращением государственной власти в собственность африканских правящих группировок оно сохранило скорее символическое

значение. Сокращение притока внешних ресурсов, резкое падение интереса к Африке после окончания «холодной войны» подорвали и внешний (символический) цивилизационный статус многих африканских государств как членов системы международных отношений. С этой точки зрения, африканский кризис догоняющего развития может быть определен как кризис цивилизационный. В контексте цивилизационных представлений он отодвигает слабые африканские государства в «теневую зону» мирового беспорядка.

К важным проявлениям догоняющего развития в бывших африканских колониях принято относить заимствование институтов современного государства как центральной организации политической системы, которая выполняет ряд обязательств по отношению к стране и обществу. Однако даже на уровне минимальных стандартов выполнения общественных функций – обеспечения безопасности граждан и порядка – государственная власть во многих молодых независимых государствах Африки остается неэффективной или эфемерной. Отмечено множество девиантных форм и тенденций функционирования верховной власти, по существу, несовместимых с функциями поддержания общественного порядка и стабильности. Способность к гипертрофированному насилию и укоренение в 80–90-е гг. XX в. в ряде африканских государств режимов «голой власти», коррупционный грабеж целых стран и деструкция формальных политических систем, прокатившаяся в это время по континенту волна гражданских войн и конфликтов ясно продемонстрировали тенденции перерождения заимствованных форм государственности, ослабление или распад ее формальных институтов, нарастающую политическую дезинтеграцию африканских обществ. Системным выражением масштабной деструкции в общественно-политической сфере явилось образование и быстрое укрепление африканской клептократии как типа власти, основанного на доведенной до предела коммерциализации и приватизации государственных институтов,

на организованной коррупции. Господство клептократии – это уже нечто совсем противоположное общественной роли государства и официальным целям догоняющей модернизации. Некоторыми российскими политологами (Л.В. Гевелинг, А.И. Неклесса) высказывается предположение о тенденциях образования на континенте «политических антисистем», об угрозе появления в Африке «антигосударств» как одном из признаков нарастающего глобального мирового беспорядка, социального «андеграунда».

Вместе с тем, на мой взгляд, ошибочно сводить результаты развития африканских стран после достижения ими независимости почти исключительно к образам деградирующей социальности, распадающегося социума, социального хаоса и т. п. Массовая культура в Африке не знает в качестве преобладающего социального типа атомизированную личность, человека не включенного по этническому, земляческому или родственному принципу в социально-коммуникационные сети, союзы взаимопомощи, культурные ассоциации и т.п. Видимо, можно говорить и о тенденциях собственного (эндогенного) развития африканской социальности, до определенного уровня сопряженных с факторами догоняющей модернизации, но в то же время не сводящихся к вектору усвоения чужих, привнесенных образцов и стимулов развития. До известной степени эти тенденции связаны с архаическим субстратом африканских традиций, но отражают его на новой ступени развития, в условиях значительно усложнившейся социально-экономической структуры общества (даже по сравнению с уровнем организационной сложности этих обществ 25–30 лет назад). Можно говорить о достаточно динамичных процессах эволюции посттрадиционных африканских обществ, проявляющихся в росте размеров социальных систем, повышении уровня их дифференциации, развитии и усложнении социальных коммуникаций.

Средоточием этих процессов выступает «неформальный сектор» («неформальные структуры») занятости и соци-

альной организации населения. Развитие и общественная роль этого сектора не поддаются исчерпывающему определению и измерению ни в категориях традиционных (архаических) африканских институтов, ни в категориях модернизированного (индустриального) общества. Сектор включает представителей самых разных социальных групп и в определенной степени выполняет функции социальной интеграции. Ключевым в положении тех, кто включен в этот сектор, является выполнение определенной неформальной роли, соединяющей легальные и девиантные, или нелегальные, виды социальной деятельности. Неформальные отношения внутри сектора базируются на сочетании предписанных и достигаемых социальных позиций: родства, земляческих отношений, с одной стороны, и обезличенно-формальных позиций в модернизированном секторе хозяйственной и социальной деятельности.

В организационном отношении неформальный сектор представляет собой социальные сети, более или менее адаптированные к условиям городской жизни, современной экономики и организации государственной власти. Ядро организации этого сектора образуют патронажно-клиентельные отношения модернизированного типа, а вершину – структуры власти, объединяющие представителей политической и деловой элиты. В то же время деятельность и самоорганизация неформальных структур власти и влияния воспроизводит до некоторой степени архетипические модели африканских вождеств и ранних государств. Здесь и обязательный обмен услугами, и даннические обязательства нижестоящих по отношению к вышестоящим лидерам, и объединение через лидера социальных коммуникаций в единую социальную сеть.

Неформальные структуры представляют собой, по существу, особый тип социальности, способный подчинять своим принципам и правилам официальные структуры государства, бизнеса, общественно-политические организации и

движения. «Неформальная социальность» может явным или неявным образом корректировать распределение экономических ресурсов и финансовых потоков, влиять на развитие и масштабы теневой и криминальной сферы экономики: сокращать доходы официальных государственных бюджетов, уменьшать доходы одних групп населения и увеличивать или контролировать доходы других. Выражением «неформальной социальности» можно считать быстрое развитие этносоциальных сетей, расширяющих и в значительной степени модернизирующих значение социального родства, патронажно-клиентельных связей, а в собственно политической сфере – развитие неопатримониального типа власти, основанного на отношениях личного господства/подчинения. «Неформальная социальность» допускает перестройку старых культурных смыслов в направлении большей рационализации и универсализации их значений, приближения к новым социальным практикам.

Конечно, рост и усложнение «неформальной социальности» в разнообразии ее структур и жизненных проявлений трудно назвать развитием в его нормативном значении, связывающим развитие исключительно с прогрессом, движением к чему-то высшему и хорошему. В определенной степени (но при условии конкретного, дифференцированного анализа) в «неформальной социальности» можно видеть проявления динамичного развития, структурного усложнения социальной архаики, конвертации ее в неоархаику, адаптированную к условиям сложного, стратифицированного общества, структурам централизованного государства и современным коммуникациям. Например, усиливаются девиантные формы архаики, которые прежде ограничивались традициями сакральной власти правителей (абсолютная, бесконтрольная власть лидеров, антикорпоративное поведение и т.д.). В то же время структуры сетевого типа как форма эндогенного (собственно африканского) развития не исключают сдвиги

модернизационного типа, связанные с развитием формальных общественных институтов, дифференциацией сферы их компетенции, появлением универсальных обезличенных ролей. Это не только повышает уровень самоорганизации африканского общества, но и создает предпосылки для его развития на внутренней основе.